

Г.С. ЧУВАРДИН

«НЕМЕЦКО-ШВЕДСКОЕ» ДВОРЯНСТВО В ОФИЦЕРСКОМ КОРПУСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одной из приоритетных областей современной отечественной исторической науки является анализ процесса образования элит, причем наиболее острая дискуссия разворачивается в отношении военно-политической элиты России императорского периода. Базовые индексы элитарности чаще всего связываются со степенью близости того или иного представителя определенной социальной группы к Престолу, что кажется очевидным в условиях абсолютной монархии. Именно группа приближенных к Престолу лиц формирует последующие круги элиты. Возражения по поводу происхождения и социального статуса — «элитарности по праву рождения» — уместны, но данные параметры все-таки не играют решающей роли. Примером может служить превосходство представителей менее знатной по происхождению немецкой группы во власти перед «коренной» российской аристократией. Еще один индекс можно обозначить как «заслуги» на военном или гражданском поприще. Но и здесь решающим фактором остаются личные симпатии или антипатии монарха.

Очевидным «клубом политической и военной элиты» в России была Свита Его Императорского Величества, формируемая на основе «Высочайшего Благоволения». Средоточием элиты, формирующей периферийные ее сегменты, а также группы полуэлиты, безусловно, являлись генералитет и российская императорская гвардия.

Высшие эшелоны государственной власти царской России имели так называемый «закрытый характер» и формировались под воздействием «фактора военного мундира». Значимость этого параметра для анализа специфики ментальности военного чиновника Российской империи достаточно четко комментирует военный министр генерал Куропаткин: «Военный мундир действительно уже давно стал особо почетным в русской земле...». Это в свою очередь приве-

ло к тому, что «каждый носитель даже одной фуражки с кокардой считался в деревне *власть имущим*»¹. Консервативный характер властной модели, обозначившийся еще в XVIII в., сохранился до начала XX в., а обособленность усилилась после революции 1905–1907 гг., когда и без того крайне нелюдимый Николай II окончательно замкнулся в рамках оставшихся верными ему гвардейских частей и «отгвардейских» структур военно-политической элиты.

Офицеры-гвардейцы имели некоторое преимущество даже перед генералитетом (дань традициям Петра I), так как чин флигель-адъютанта чаще всего получали в гвардии. Был значителен процент генералов, в том числе и генерал-лейтенантов, не имеющих никакого отношения к Свите Его Императорского Величества. Для сравнения приведем следующую статистику: Свита Николая I составляла 540 человек. При этом через звание флигель-адъютанта за период правления вышеуказанного императора прошло около 258 человек, из которых около 80% составляли выходцы из гвардии (отсутствует информация по 11 чел.)². Численность генералитета к концу правления Николая I составляла 937 человек³.

В правление Николая II число генералов на действительной службе колебалось от 1386 в 1900 г. («строевых» — 661 чел.) до 1598 в 1913 г. («строевых» — 821 чел.). При этом в Свите Николая II в 1900–1903 гг. было: генерал-адъютантов — 53 (в т.ч. 6 особ императорской фамилии, герцог Лейхтенбергский и принц Ольденбургский), из которых 2 носили звание «состоящих при Особе Его Императорского Величества»; Свиты Его И.В. генерал-майоров и контр-адмиралов — 12 (из них 2 особы императорской фамилии); наконец, флигель-адъютантов — 33 (в т.ч. 7 особ императорской фамилии, герцог Александр Георгиевич Лейхтенбергский — офицер л.-гв. Гусарского Его В. полка и принц Петр Александрович Ольденбургский — офицер л.-гв. Преображенского полка). Общее число лиц Свиты Его И.В. составляло 98 чел. В указанный период 28 флигель-адъютантов служили в гвардии (по двум информация отсутствует).

¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 431–433.

² См.: Милорадович. Список лиц С. Их Имп. Величеств с царствования Петра Великого по 1886 г. Киев, 1886. Дополнения 1891 и 1895.

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 318.

В подтверждение можно привести наблюдения генерал-майора Е.И. Мартынова. Он отмечал, что в пореформенной России есть три пути проникновения в военную элиту империи. Это, во-первых, служба в «одном из дорогих гвардейских полков» (при этом генерал подчеркивает приоритетность этого пути), во-вторых, по линии генерального штаба. Евгений Иванович отмечает: «...более ловкие офицеры генерального штаба пристраиваются к одной из центральных петербургских канцелярий и благодаря этому попадают в генералы на 4-6 лет раньше своих товарищей, командовавших своими полками. Затем некоторые из военных бюрократов, пролавирировав еще некоторое время между разными военными штабами, снова возвращаются в строй, сразу занимая там крупные должности». Но самый короткий путь в высшую военную элиту оказывается связан с придворной службой. Генерал резюмирует: «Фешенебельный ресторан, петербургская канцелярия и дворцовая приемная — вот где изготавливается большинство русских военачальников»⁴.

С Николая I выстраивается жесткий вектор передачи власти по линии «отец – старший сын», обусловленный законотворчеством Павла I⁵. Окончательно оформляется имперская идеология и принципы верности Престолу и Отечеству. Николай I приближает новых людей, а его сыновья и внуки в дань памяти отцу и деду продолжают держать этих людей, их детей и внуков подле себя. При этом степень близости определяется возможностью поступления в престижные военные и светские учебные заведения, прежде всего Пажеский корпус⁶ и императорскую гвардию. Последняя вплоть до начала Первой мировой войны оставалась мощным трамплином для успешной карьеры. Близость определялась также назначением адъютантом к одному из великих князей или лиц, приближенных к престолу, и, наконец, назначением в Свиту — получением флигель-адъютантского звания. В последующем карьера такого человека была обеспе-

⁴ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // Политика и стратегия. М., 2003. С. 67-68.

⁵ «Учреждение об императорской фамилии» от 5 апреля 1797 г.

⁶ Так на отрезке 1894–1914 гг. в полки 1-ой пехотной и 1-ой и 2-ой кавалерийской гвардейских дивизий из Пажеского Корпуса было выпущено 32,9% офицеров. См.: Чувардин Г.С. Старая гвардия: социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии». Орел, 2002. С. 265.

чена. Генерал Е.И. Мартынова замечал: «Какая-либо высокая особа получает командную должность. Вокруг нее тотчас же формируется круг приближенных — своего рода маленький двор: один прекрасно рассказывает анекдоты, другой веселый собутыльник, третий удобен для разных домашних поручений, четвертый просто приятен во всех отношениях. Поднимается по иерархической лестнице высокая особа и вместе с нею возвышаются ее приближенные, пока желающие из них не пойдут на высокие военные посты»⁷.

В рассматриваемый период императорская гвардия составляла существенный компонент российской армии. На 1900–1901 гг. из 209 полков полевой пехоты гвардия была представлена 12 полками, сформированными в три дивизии. Кроме этого, из 24-х стрелковых бригад имелась одна гвардейская стрелковая бригада в составе 4-х стрелковых полков. В регулярной кавалерии было 10 гвардейских полков и 55 армейских. Имелся один жандармский гвардейский эскадрон и 5 армейских. Наконец, полевая пешая артиллерия была представлена 3 гвардейскими бригадами из 52 бригад и 5 гвардейскими батареями конной артиллерии из 28 батарей. В целом на начало XX в. гвардия насчитывала приблизительно 44 полка и подразделения (приблизительно 3% от общей численности армии)⁸.

Отдельные аспекты высшего командного состава императорской гвардии рассматривались⁹, однако проблема в целом остается малоизученной. Исследование офицерского корпуса императорской гвардии на всем отрезке ее существования позволяет открыть многие страницы отечественной истории. Одним из важнейших компонентов анализа императорской гвардии является этноконфессиональная составляющая ее офицерского корпуса. В Российской импе-

⁷ Мартынов Е.И. Указ. издание. С. 68.

⁸ Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров. Ч. I. М., 1902. С. 1-8.

⁹ Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002; Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698–1801. М., 1995; Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998; Чапкевич Е.И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел, 2003; Федорченко В.И. Двор российских императоров. М., 2004; Он же. Свита российских императоров. Т. 1-2. М., 2005; Он же. Российский императорский дом и европейские монархии. М., 2006; Антонов Б.И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001; Незвецкий Р.Ф. Лейб-гвардия императорской России. М., 2009.

рии начала XX в. конфессиональный признак имел решающее значение. К 1897 г. число православных достигло 87,3 млн. человек, что составляло около 69,5% населения страны. Именно посредством православия как господствующей государственной религии, трансформировавшейся к концу XIX в. в систему мировоззрения и форму идеологии¹⁰, сглаживались многие межнациональные противоречия.

Национальный фактор имел второстепенное значение. Значительное число подданных Российской империи, особенно в интересующей нас дворянской среде, стремилось принять православие для успешного осуществления своих карьеристских установок. Отметим интернациональный характер русского дворянства (особенно в аристократической среде), мало считавшегося с национальным фактором внутри своей замкнутой корпоративной среды. Ведущая роль православия обуславливалась и тем, что, главой русской православной церкви являлся сам император¹¹. Кроме того, император был державным шефом подавляющей части гвардейских полков. Так, Александр III, еще будучи цесаревичем, был державным шефом л.-гв. 3-го стрелкового Финского батальона, л.-гв. Донской казачьей конноартиллерийской Имени Наследника Цесаревича Александра Александровича батареи, л.-гв. Атаманского полка и вторым шефом л.-гв. Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Павловского, Кавалергардского, Конного, Кирасирского Его Величества, Гусарского Его Величества, Казачьего, Уланского Его Величества, 1-ой Артиллерийской бригады и Конноартиллерийской бригады¹². Такова же ситуация и при Николае II. Все это в конечном итоге не могло не влиять на поведение большинства русских дворян, занимающих ответственные государственные посты, в том числе и старших офицеров императорской гвардии.

¹⁰ Характеризуя современность М. Хайдеггер указывает: «...христианские церкви осовремениваются, перетолковывая свое христианство в мировоззрение» (*Хайдеггер М.* Время картины мира. СПб., 2004. С. 14).

¹¹ С.С. Ольденбург писал: «...Русский Царь был не только главой государства: он был в то же время главой русской православной церкви». (См. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая I. Т. 1. Белград, 1939. С. 16.)

¹² Полный послужной список Наследника Цесаревича Александра Александровича 188 г. // Сборник документов РГИА. Фонд Великого Князя Александра Александровича. М., 2002. С. 543.

Отправная точка анализа — группа полковников как переходное звено из XIX в XX в. (ряд гвардейских полковников принимал участие еще в войне 1877–78 гг.). Согласно П.А. Зайончковскому, в пореформенный период постоянно росло число «генералов-немцев». К началу Первой мировой войны их процентный состав имел следующий вид: генерал-майоров — 7,3%, генерал-лейтенантов — 9,9% и полных генералов — 16,5%. Историк резюмирует: «Значительный рост немцев среди высшего генералитета говорит, бесспорно, о симпатиях императорского дома к лицам этой национальности»¹³.

Анализ конфессиональной принадлежности по гвардии и армии, отмеченных в штатных расписаниях 1903–1905 гг., дает следующую картину: 84,4 % полковников, служащих в армейских частях исповедовало православие и около 7% — лютеранство¹⁴.

В полках императорской гвардии православие исповедовало 78,7% полковников, лютеранство — 21,3%.¹⁵ Эта цифра почти в два раза превышает процент по общим показателям, таким образом, оказалась на конфессиональном уровне длительное время проводившаяся политика «онемечивания» отдельных гвардейских полков¹⁶. При этом не учитывается общее число русифицированных немцев в гвардии, родственники/дальние родственники которых продолжали жить за границей. По понятным причинам в русской армии могли служить преимущественно подданные Российской империи. В 1880 г. был издан указ, ограничивающий поступление немцев, выходцев из Германии и Пруссии, на русскую военную службу в качестве офицеров. Таким образом, значительный процент немцев-протестантов поступал на военную службу из Ост-Зеи. Следует отметить тот факт, что к середине XVIII в. в состав Российской империи были включены территории Прибалтики, на которых проживало

¹³ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 31.

¹⁴ Режепо П.А. Статистика полковников. СПб., 1905. С. 19.

¹⁵ Был проведен анализ «Послужных списков» и «Списков по старшинству...» следующих фондов РГВИА (Российский Государственный Военно-исторический архив). Ф.ф. 2584, 2577, 2576, 2581, 2583, 2588, 3543, 3544, 3547, 3545, 3549, 3551, 3591.

¹⁶ Среди солдат процент православных был еще ниже, по подсчетам того же П.А. Режепо, 75% от общего числа (данные того же года).

в соответствии с привилегированными дворянскими списками-мартикулами: в Лифляндии 172, Эстляндии — 127 и на острове Эзель — 25 дворянских фамилий¹⁷. Получив свою «маленькую Германию», российские императоры пустили остзейских баронов в различные институты государственной власти, в том числе и в армию.

Выделим «наиболее православные» (1-я группа) и «наиболее протестантские полки» (2-я группа). К 1-ой группе можно отнести: в кавалерии — л.-гв. Кавалергардский, л.-гв. Гусарский Его Величества полки, а в инфантерии — л.-гв. Преображенский и л.-гв. Егерский полки¹⁸. Ко 2-ой: в кавалерии — л.-гв. Конный, л.-гв. Кирасирский Ея И.В., л.-гв. Конно-Гренадерский и л.-гв. Драгунский полки, а в пехоте — л.-гв. Семеновский и, с некоторыми оговорками, л.-гв. Измайловский полк¹⁹. В артиллерии — л.-гв. 2-ю артиллерийскую бригаду, в которой на отрезке 1905–1913 гг. отмечено от 10 до 16 лютеран²⁰.

К началу XX века в Российской империи прослеживаются несколько вариантов «классического» протестантизма. Из них выделяются следующие направления: евангелическо-лютеранское (лютеранское), евангелическо-аугсбургское, реформаторское разных видов. Значительное число немцев, «остзейцев» и шведов оказалось в рядах русской армии и в императорской гвардии еще в XVIII в. Большая часть из них, становясь русскими поданными, принимала православие: например, Корфы, Витгенштейны (родственники Гогенцоллернов), Энгельгардты, Бенкендорфы, Врангели и др. Но значительная часть сохраняла протестантское вероисповедание.

Русские императоры охотно принимали немцев и шведов на военную службу. «Пронемецкая политика» объяснялась высокой исполнительностью и дисциплиной немецкого и шведского элемента²¹, службой не столько государственно-политической абстракции, име-

¹⁷ И это без учета дворянских родов Курляндии.

¹⁸ РГВИА. Ф.ф. 3545, 2583, 3591.

¹⁹ РГВИА. Ф.ф. 3543, 3547, Ф. 3551, 2595.

²⁰ Полковники Ден А.А., фон-Аккерман Александр Федорович; штабс-капитаны Гук Георгий Алексей-Карлович; Фон-Дитмар Генрих-Эмануэл-Николай Владимирович; Вестмарк Владимир Августович; Шнейдеман Георгий Вильгельм Эдуардович; Заддэ Артур Яковлевич из потомственных почетных граждан; фон-дер-Ховен Александр Рейнгальдович; Фехнер Федор Юлиевич и др. (см.: РГВИА. Ф. 3671. Оп. 1. Д. 7).

²¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 276.

нуемой Россией, сколько непосредственно Престолу и лично императору²². В немцах на русской службе (их приток при Александре III был ограничен, и поэтому целесообразнее говорить об «остзейском дворянстве») в первую очередь ценился «врожденный солдат». Содержание данного архетипа достаточно четко сформулировал идеолог прусского юнкерства Ф.А.Л. Фон дер Марвиц. Он писал, что все немцы (речь идет о дворянской аристократии) «рождаются солдатами и должны служить всю свою жизнь, за исключением старших сыновей, которые заботятся об отце, если он стар и немощен»²³. Есть небезосновательное указание на то, что остзейское дворянство позиционировало себя в первую очередь как носителя аутентичного «германского (прусского) духа» на русской почве. Протестантизм, в отличие от православия, отрицал внешнюю сторону служения, подразумеваемая в церкви собрание «свободных верой» общинников, что в целом обуславливало специфику поведения офицеров-протестантов в определенных полках гвардии²⁴.

Потомков представителей таких фамилий шведского происхождения, как Кнорринги, Лоде, Линдгрены, Нироды, Энкели, Маннергеймы, Тигерстедты, Левстремы и других, встречаем в составе императорской гвардии начала XX в. Так, в л.-гв. Семеновском полку, который был одним из самых «немецких» в гвардейской пехоте, в 1900 г. из 22 представителей немецко-шведского элемента 6 было шведского (или датского) дворянского достоинства (то есть 27,3%) — все принадлежали к лютеранской церкви (см. таб. 1):

²² А.Е. Пресняков отмечал, что еще император Николай I «говаривал»: «Русские дворяне служат государству, немецкие — нам». *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 265.

²³ *Marwitz F.A.L. von der.* Ein markischer Edelmann im Zeitalter der Betreibungskreige. Hrsg. Von F. Meusel. Berlin, 1913. Bd. II. S. 157.

²⁴ Одним из отличий реформаторской церкви от лютеранства являлось оформление первой как пресвитерианской и синодальной — реформаторские общины были независимы даже от себе подобных. В Петербурге начала XX в. было несколько таких общин, которые посещали и гвардейские офицеры. В реформаторской общине наблюдалось более строгое соблюдение «чистоты веры» и «истинной духовной иерархии». После Петра I значительное число немцев-протестантов оказалось в России, позднее, с присоединением Финляндии, в России оказалось определенное число шведов-протестантов.

Таблица 1

Наличие офицеров шведского (датского) дворянского достоинства в л.-гв. Семеновском полку²⁵

№	Фамилия, имя, отчество, титул	Первое упоминание о фамилии, подданство	Конфессиональная принадлежность
1.	Энкель Оскар Карлович	XVIII в., шведское	лютеранское
2.	фон-Сиверс Федор Яковлевич	XV–XVI вв., датское	евангельско-лютеранского
3.	Майдель Роман Карлович, барон	XVI в., шведское	лютеранское
4.	Левстрем Эрнст Лаврентьевич	XVIII в., шведское	лютеранское
5.	Лоде Владимир Гармольдус Фрольпольд Эдуардович	XII в., датское	лютеранское
6.	фон-Сиверс Яков Яковлевич	XV–XVI вв, датское	евангельско-лютеранского

Офицер л.-гв. Семеновского полка П. Шостаковский отмечал, что наряду со шведами значительный процент в полку составляли немцы, происходившие из Пруссии: «В полку 17 немецких баронов, родственники которых служили в прусской гвардии»²⁶.

Большинство представителей немецко-шведского элемента стремились получить высшее военное образование — окончить Николаевскую академию Генерального Штаба. Например, в л.-гв. Конном полку окончившие академию представители этой группы составляли 75%,²⁷ в л.-гв. Семеновском полку — 50% (у семеновцев один «остзеец» окончил Военно-Юридическую Академию)²⁸, в л.-гв. Егерском полку — 42%²⁹, в л.-гв. Драгунском полку — 29%³⁰. Стремление получить высшее военное образование, способствовавшее последующей успешной военной карьере, было связано с трудным материальным положением, в котором находились «шведы»³¹ и «остзейские бароны», а служба в «старой гвардии» требовала значи-

²⁵ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2595.

²⁶ Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1960. С. 47.

²⁷ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д.д. 3239, 3145, 3147, 3152.

²⁸ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д.д. 2595, 2756, 2822.

²⁹ РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д.д. 195, 198, 228.

³⁰ РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д.д. 12, 16, 55.

³¹ См.: Вейо Мери. К.-Г. Маннергейм маршал Финляндии. М., 1997. С. 30.

тельных материальных затрат. Даже такой «образцовый кавалергард», как барон К.-Г. Маннергейм, отмечал свою «бедность» для службы в полку, которая со временем стала одной из причин перевода в действующую армию³².

Представители данной группы отличались от остальных групп гвардейских офицеров сдержанностью, воспитанностью, холодностью, переходящей порой в чопорность, умением держать дистанцию. А. Бенуа отмечал в знакомых гвардейцах-«остзейцах» следующие черты: «Оба (барон К. Деллингсгаузен и граф Н. Ферзен) были... типичными “остзейцами”, оба сильно белокуры, оба говорили по-русски правильно, но с легким немецким акцентом, оба были отлично воспитаны и изысканно вежливы... граф Ферзен строго сохранял всегда дистанцию, что и соответствовало его характерно германской, абсолютно прямой осанке, его высокому росту и “аполлоническому” сложению». А. Бенуа также специально отмечал, что «остзейцы» никогда «не впадали в сплетни»³³.

Представителям данной группы была свойственна высокая преданность правящей династии, с которой они связывали свои нравственные и моральные идеалы. В их сознании сложился устойчивый, связанный со средневековьем, стереотип «рыцарской чести». Приведем признания семеновского офицера-«остзейца» А.А. фон-Лампе: «Страна, которая приютила моих предков, стала для меня настоящей Родиной, и настолько, что я, как умирающий гладиатор, гибну, но шлю ей последний привет и питаюся одной надеждой — мое проклятие победителю приведет его к поражению и, таким образом, я, умирая, достигну цели — освобожу Родину... Родине я дал все...»³⁴.

Совсем иначе выглядели представители данной группы, перешедшие в православие, постепенно «обрусевшие» и воспринимавшиеся как «свои». В л.-гв. Конном полку состава 1902 г. из 19 представителей шведско-немецкой группы только 7 являлись протестантами (лютеранами), остальные 12 были православного вероисповедания, что составляло 63%. Среди них были такие «откровенные по происхождению немцы», как барон Н.А. Врангель (датского происхождения, XII век), герцог Г.Н. Лейхтенбергский, граф Ф.М. Нирод

³² Маннергейм К.-Г. Мемуары. М., 1999. С. 18.

³³ Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. I-III. М., 1993. С. 110.

³⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 179.

(шведского происхождения, XVI в.), барон С.К. Фелейзерн, граф А.П. Беннигсен, барон П.Ф. Мейендорф, барон В.А. фон-дер-Пален³⁵. Представители данной группы, как и их «русские собратья», порой совершали крайне неблагоприятные поступки — среди них было значительное число «дамских угодников», бретеров и пьяниц, на что указывают «порицания», получаемые отдельными гвардейскими офицерами. В том же полку из 33-х офицеров, получивших различной степени порицания в промежутке между 1908–1912 гг., 17 чел. оказались немцами или «остзейцами», что составило 51,5%. Из них 14 являлись православными и только 3 — лютеранами (2 штабс-ротмистра и 1 корнет)³⁶. Примеры походов «обрусевших «остзейцев» приводит в своих воспоминаниях В. Трубецкой³⁷.

В гвардейской артиллерии к началу XX в. наиболее высок был процент исповедующих протестантизм разных толков в л.-гв. 2-й артиллерийской бригаде. Из 57 офицеров (не учитываются 6 генералов) в 1910 г. 7 чел. принадлежали к лютеранскому вероисповеданию (1 полковник и 6 офицеров прочих званий)³⁸. Для сравнения — в л.-гв. 3-й артиллерийской бригаде из 70 офицеров 6 чел. (включая командира полка) принадлежали к лютеранской вере. Примечательно, что и 2-й гвардейской артбригадой командовал немец, генерал-майор Александр Федорович фон-Гилленшмидт (уроженец Лифляндской губернии)³⁹, но уже его отец перешел в православие.

Не столь существенным был процент немцев и шведов в гвардейских стрелковых частях (за исключением л.-гв. 3-го Финляндского стрелкового батальона). Так, в л.-гв. 1-м Стрелковом ЕВ батальоне из 31 офицера в 1899 г. 5 являлись протестантами (из них 1 генерал)⁴⁰. К 1905 г. число лютеран уменьшилось до 4 человек, при этом все они имели звание подпоручиков⁴¹. Наконец, к 1910 г. теперь уже в л.-гв. 1-ом Стрелковом ЕВ полку не остается ни одного лютеранина. Схожая ситуация наблюдается в л.-гв. 4-ом Стрелковом Импера-

³⁵ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3239.

³⁶ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3245.

³⁷ Трубецкой В. Записки кирасира // Россия воспрянет. М., 1996. С. 464.

³⁸ РГВИА Ф. 3671. Оп. 1. Д. 19. Л. 37об.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ РГВИА Ф. 2587. Оп. 2. Ед. хр. 154. Л. 16.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 161. Л. 26.

торской фамилии батальоне (с 1910 г. в л.-гв. 4-ом Стрелковом Императорской фамилии полку). В полках 2-ой бригады 2-й л.-гв. дивизии прослеживается тот же механизм ротации немецко-шведского элемента офицерской среды, что и в 1-ом и 4-ом стрелковых батальонах/полках. Так в л.-гв. Павловском полку в 1895–1897 гг. насчитывается 7 лютеран из 83 наличествующих офицеров, а в 1909–1910 гг. число лютеран сокращается до 1-го человека из 79 офицеров⁴². В л.-гв. 2-м Стрелковом Царскосельском батальоне в 1899–1900 гг. из 28 человек 2 лютеранина, причем один из них генерал⁴³. Та же ситуация сохраняется в 1907–1910 гг.⁴⁴ Интересно, что батальоном/полком в 1905–1914 гг. командовали офицеры немецко-шведского происхождения, предки которых (на отрезке прадед-дед) перешли в православие в XIX в. — Свиты Е.И.В. генерал-майор П.А. Дельсаль, генерал-майор Д.Н. Пфейфер и полковник Д.К. Седергольм.

В гвардейских казачьих частях (л.-гв. Казачий Его Величества и л.-гв. Атаманский Его И. Высочества Наследника Цесаревича полки) в начале XX в. количество лютеран никогда не превышало 1–2 человека. В л.-гв. Сводно-Казачьем полку лютеран вообще не числилось.

«Остзейцы»-протестанты славились особым «рвением и исполнительностью». Это были зачастую настоящие профессионалы своего дела, глубоко впитавшие в себя дух средневековых воинов-наемников: «... служили они преимущественно в войске, потому что к нему чувствовали тяготение, будучи потомками рыцарских родов (Тевтонский и другие ордена)»⁴⁵. Пример подобного рода являет офицер л.-гв. Кирасирского Ея И.В. полка Эдвин Иоган Иоганович Линдгрэн, которого В. Трубецкой вспоминал как «службиста в полном смысле слова», как «педанта до мозга костей», как «практичного, хозяйственного, всегда добросовестного и трезвого»⁴⁶.

Хотя процент представителей римско-католической церкви в гвардии был крайне незначительным, тем не менее мы встречаем их практически во всех полках гвардии (см. таб. 2):

⁴² РГВИА Ф. 2581. Оп. 1. Д. 727.

⁴³ РГВИА Ф. 2588. Оп. 2. Д. 238. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Д. 241. Л. 14об.

⁴⁵ Российские офицеры. // Военно-Исторический журнал. № 2. 1994. С. 44.

⁴⁶ Трубецкой В. Указанное издание. С. 114–115.

Таблица 2

Наличие офицеров католического
(римско-католического) вероисповедания
в российской императорской гвардии 1900–1914 гг.⁴⁷

№	Фамилия, инициалы, титул	Полк, в котором служил офицер	Национальная принадлежность
1.	де-Броэль-Платерн Ю.-Ф.А., граф	л.-гв. Кавалергардский полк	Немец
2.	фон-Гротгус Г.Г., барон	л.-гв. Кавалергардский полк	немец («остзеец»)
3.	Тышкевич С.В., граф	л.-гв. Конный полк	Поляк
4.	Велопольский А.С., граф	л.-гв. Гусарский Е.В. полк	Поляк
5.	Велопольский К.С., граф	л.-гв. Гусарский Е.В. полк	Поляк
6.	Абаковский А.И.	л.-гв. Семеновский полк	Поляк
7.	Погоржельский К.С.	л.-гв. Семеновский полк	Поляк
8.	Копец К.К.	л.-гв. Павловский полк	немец («остзеец»)
9.	Госевский А.К.	л.-гв. Павловский полк	Поляк
10.	Яблонский П.И.	л.-гв. Павловский полк	поляк, сын австрийского подданного, принявшего подданство Российской империи ⁴⁸
11.	Гинтылло Л.Б.	л.-гв. Павловский полк	французские корни
12.	Винчи Ф.И.	л.-гв. Павловский полк	итальянские корни
13.	Исарлов И.Л.	л.-гв. Конно-Гренадерский полк	? — уроженец Тифлисской губернии
14.	Наполеон принц Людовик	л.-гв. Уланский Ея В. полк	француз (из французского царствовавшего императорского дома)
15.	Принц Бурбонский Х.К.	л.-гв. Гродненский гусарский полк	из царского дома Бурбонов испанской линии
16.	Осецкий К.В.	л.-гв. Драгунский полк	Поляк
17.	Тупальский К.-В. В.	л.-гв. Драгунский полк	Поляк
18.	Глембоцкий И.М.	л.-гв. Драгунский полк	Поляк
19.	Здроевский М.Ю.	л.-гв. Драгунский полк	Поляк
20.	Окулич В.А.	л.-гв. Измайловский полк	Поляк
21.	Солини К.И.	л.-гв. 2-й стрелковый батальон	Поляк
22.	Шифнер А.М.	л.-гв. 2-я артиллерийская бригада	немец («остзеец»)

⁴⁷ РГВИА Ф.ф. 3545, 3543, 3544 3591, 3551, 3552, 2581, 2584, 2577, 2588.

⁴⁸ РГВИА Ф. 2581. Оп. 2. Д. 707. Л. 8.

Как видно, в данной группе большинство составляют офицеры польского происхождения. Необходимо отметить, что после ряда волнений и двух восстаний в Польше в XIX в. польская католическая церковь, подпитывающая национально-освободительную борьбу, оказалась «вне закона». Русская армия фактически отказалась от услуг польского служилого дворянства, и наличие поляков-офицеров, исповедующих католицизм, было исключением из общих правил. Даже в так называемой «варшавской гвардии» процент католиков был крайне низок. Например, в л.-гв. Гродненском Гусарском полку в 1906–1910 гг. из 47 офицеров только 1 был католиком⁴⁹. А в л.-гв. Уланском Его И.В. полку — 2 чел.

«Тяжелая кавалерия» императорской гвардии в силу мощных традиционных установок могла пойти на такое исключение: в полках продолжали служить офицеры, «генетически» связанные с историей данных частей. Так, в л.-гв. Конном полку сложилась устойчивая традиция принимать потомков следующих фамилий: князей Сангушевых, графов Тышкевичей, Ходкевичей и Довгелло. В исследуемый период мы встречаем только графа С.В. Тышкевича. Из данных фамилий «польской аристократии» за весь период существования л.-гв. Конного полка в нем служило всего 35 человек⁵⁰. Такой же редкостью было и наличие немцев-католиков (хотя к этой группе никаких предубеждений не существовало). Схожая ситуация прослеживается и в л.-гв. Драгунском полку. В 1899–1914 гг. в полку служило 11 офицеров римско-католического вероисповедания, причем только один из них может быть идентифицирован как «немец» (генерал-майор А.-И.-Г.Е. Ризенкамф⁵¹), остальные имели польское происхождение (Тупальский, Глембоцкий, Осецкий, Здроевский, Главацкий, Валицкий и др.). Думается, что это объясняется тем, что значительное число немецких дворянских родов, особенно мелких, перешло после Реформации в протестантизм. Католическую веру сохранили, пожалуй, лишь «оголтелые ортодоксы», воспринимавшие таковую как неотъемлемую часть своей родовой традиции.

Таким образом, к началу Первой мировой войны представители немецко-шведских дворянских фамилий занимали значительное ме-

⁴⁹ РГВИА. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 53.

⁵⁰ История лб.-гв. Конного полка. Париж, 1961. С. 10.

⁵¹ РГВИА. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

сто и играли существенную роль в структуре российской императорской гвардии (а по крупному счету и военной элиты)⁵². Это касается не только рядовых офицеров отдельных гвардейских полков, но и высшего командного состава Гвардейского корпуса. На первом этапе войны сложилась парадоксальная ситуация. Отдельные гвардейские полки были укомплектованы *более чем на 30%* офицерами немецко-шведского происхождения, исповедующими разные вариации протестантизма. Так как в большинстве престижных гвардейских полков значительный процент составляли немцы, то «немцам» приходилось воевать против «немцев». Думается, что изучение рефлексии *офицера-немца* на войну против своей исторической родины заслуживает пристального внимания и дальнейшего исследования.

После начавшейся германофобии, получившей юридическую базу уже в сентябре 1914 г. (например, московская городская управа 4 сентября запросила сведения обо всех австрийских и немецких подданных — служащих городских предприятий, а 9 сентября приняла постановление о прекращении приема подданных воюющих с Россией государств на работу в органы управления⁵³, что тут же, по замечательной русской традиции, было перенесено на «православных немцев»), происходит стремительное вымывание «немецкого» элемента, в том числе и из гвардейских частей. В конечном итоге это крайне негативно сказалось на боеспособности гвардейских частей, дисциплина в которых стимулировалась, в первую очередь, офицерами-службистами немецко-шведского происхождения.

⁵² Палеолог С.Н. Около власти. М., 2004. С. 30-50.

⁵³ Гатагова Л. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Родина. № 10. 2002. С. 19.